

Открытое письмо П. А. Кропоткину

Александр Моисеевич Атабекян

1917

Дорогой учитель, прочел Ваше десятое «письмо о текущих событиях»^{1*}, жутко становится на душе от перечисленных зверств германского милитаризма. Вы еще упустили самое ужасное, самое кошмарное злодеяние, совершенное по указке из Берлина, это — истребление, *физическое* истребление целой нации в Турецкой Армении; нации-мученицы, которая не имела даже, подобно бельгийской, возможности и утешения самообороны от диких орд, натравленных на нее холодной логикой тевтонского расчета.

Читая об ужасах, творимых немцами на европейском театре войны, мысль моя невольно перенеслась на другой фронт, на театр военных действий кавказской армии.

Тут действовала победоносно уже наша, русская армия. Сведения мои не так богаты, как Ваши о германцах, т. к. они почерпнуты не из литературы, не из материалов, проверенных комиссиями, заслуживающими полное доверие, а из личных воспоминаний о двухлетнем пребывании на этом фронте. И тут, как везде, бог войны показывал свой тупой, алчный, искаженный зверствами лик.

Не стану останавливаться на положении военнопленных, виденных мною зимой 1914–15 гг. в Сарыкамыше, где их содержали, здоровых вперемешку с острозаразными больными и дизентериками, в ужасающей грязи, без всякого медицинского ухода. Их, кажется, этих самых пленных, позже отправили в заключенных на замок вагонах в центральную Россию, да забыли в дороге кормить и проветривать вагоны. Где-то принц Ольденбургский нашел их на запасном пути одного из вокзалов, — нашел разлагающиеся на собственных испражнениях трупы и несколько умирающих...

Осенью 1915 г. я работал в Баязетском и Диядинском округах по оказанию помощи беженцам; это два пограничных округа за Араратом и по верхнему течению Евфрата. Был конец сентября, разгар полевых работ; тут нивы колыхались налитыми колосьями, там хлебное поле наполовину сжато и снопы сложены в скирды, а дальше, на гумне, уже начато вымолачивание, да на половине брошено. Обширные, нетронутые

¹ Русск. Ведом., 12 окт. 1917 г. № 233.

луга, местами сено скошено и лежит ровными полосами, а там далее собрано в стога. Безмолвствуют мельницы у шумно текущих горных речек.

Но почему нет ни людей, ни домашнего скота? Что за мертвое царство?

Это — поля и луга мирных землепашцев-курдов. Незадолго до того, *по распоряжению военных властей их всех выселили*, выселили на произвол судьбы в пограничную Персию, выселили всех: и стариков, и женщин, и детей, как неблагонадежный элемент, позволив каждой семье взять по одной голове крупного скота, по одной мелкого и сколько смогут забрать с собой имущества. *Все остальное было расхищено нашими войсками, уничтожено, разорено*. Солдаты продавали овец по полтиннику, резали, чтобы только достать почки и зажарить, часть же скота, попавшая в интендантские гурты, погибла от отсутствия ухода и надзора. Офицера тоже не отставали от солдат и с нарочными посылали тюки ковров к себе домой.

Почти все жилища, оставленные курдами и еще раньше того вырезанными или бежавшими армянами, были разорены на топливо, что не мешало офицерству получать ежемесячно 150–200 руб. и более «дровяных» из казны. В Каракилиссе я слышал на этапе опасения офицеров по поводу нахождения поблизости залежи каменного угля, эксплуатировавшейся еще турками; они опасались, как бы не стали им выдавать топливо натурой.

Позже, в уцелевших кое-где деревнях были поселены беженцы армяне и езиды, но богатая до войны продуктами земледелия страна была вконец разорена, и беженцев пришлось кормить впроголодь привозным из России хлебом.

Весной 1916 года я поехал с транспортом через Каракилиссу и Хныс-Калу в Муше, чтобы подобрать и вывезти уцелевших от резни сирот. В пути я убедился, что вся завоеванная страна была сплошь разорена нашими войсками (за редким исключением недосягаемых горных деревень) и только около военных этапных пунктов ютились жалкие обломки бывшего населения.

Один офицер, в чине подполковника, рассказал мне на одном из этапов, как повесили турецкого шпиона. Встретили крестьянина-армянина с куском проволоки в руках; очевидно было, проволока телефонная, а армянин — турецкий шпион, разгуливавший с вещественным доказательством своего преступления и... человека повесили.

На перевале, не доезжая до этапа Чарборох, я видел сотни армян-беженцев и карапапахов на принудительных работах по постройке дороги. Точь-в-точь как немцы поступают с бельгийцами. Их едва кормили одним хлебом, а отпускаемая им из казны плата по 1½ рубля в день, целиком поступала в карман этапного коменданта.

Быть может, скажут, все это было при старом режиме. Ну, а теперь, при новом режиме, не наши ли войска разгромили и дотла сожгли город Урмию? А погромы в Хамадане? в Казвине? А мелкие, вынужденные грабежи и насилия, когда порой солдатам и казакам самим нечего есть, и лошадей нечем кормить, а за наш обесцененный рубль ничего нельзя купить.

Война, это узаконение произвола, насилий, грабежей и массовых убийств, везде одинакова.

Учитель! Разве не с равным, если не большим основанием немец патриот может воодушевлять своих соотечественников на борьбу до победоносного конца против

наших военных орд и обрисовать ужасы наших побед, как Вы обрисовали наглядно последствия немецких военных успехов?

Или, может, наши победы мы доведем только до границ Германии? Но где та сила, которая остановит упоенных успехом? Или мы не пошли бы дальше, чтобы освободить Польшу, всю Польшу? Или мы совершим преступление и вернем окровавленную, едва живую турецкую Армению под ярмо ее убийцы, турецкой государственности?

Мы не вторгнемся в чужие земли, мы не посягнем на чужую независимость?

Но почему мы до сих пор не очистили от наших войск нейтральную, вернее, бесильную для самозащиты Персию, которую заняли вместе с англичанами задолго до нынешней мировой катастрофы без объявления ей войны? Почему мы продолжаем разорять эту независимую по международному праву, суверенную страну, превратив ее в арену военных действий, расстроив весь внутренний транспорт и товарооборот и подвергая ее опасности еще худших погромов во время демобилизации при окончании войны?

Нет, дорогой учитель, не в победах государств мы обретем справедливый мир. Вы сами это глубоко сознаете. Иначе, отчего Вы отвергли предложение величайшего утописта нашего времени, Керенского, мнящего вдохнуть новую жизнь в разлагающийся труп Романовской империи? Отчего Вы отказались от предложенного затем Вам поста посланника в Лондоне? Отчего Вы теперь отклоняете всякую мысль Вашей кандидатуры в Учредительное Собрание?

Не есть ли всё это *дезертирство* с Вашей стороны, принципиальное гражданское дезертирство, из чуждого стана, дорогой учитель?

Если Вы не стали под знамена государственности, то еще с большей решительностью, с ужасом Вы отшатнулись от нео-толстовства во внешней политике, от уличного большевизма, этой проповеди непротивления злу нашествия чужеземных империалистов.

Дорогой, любимый учитель, нет Вам места в этих двух противоположных лагерях. Разверните Ваше собственное знамя, — знамя, которое Вы ткали для нас нитку за ниткой в течение пятидесяти лет, наше общее знамя *социальной революции!*

Разве не достигло предусмотренное Вами *распадение современного строя* до своего апогея? Разве не стоит перед человечеством, с угрозой физической гибели, дилемма: или скорый мир (какое существенное значение имеет для трудового народа урезка, прибавка или создание новых государственных территорий!), мир с возобновлением еще более ожесточенной классовой борьбы, — или социальная революция?

События развиваются с головокружительной быстротой, история «сжигает этапы». То, что вчера казалось «бессмысленным мечтанием», сегодня уже стало ничтожной шелухой стремительного общественного развития. Все партии трудового народа стали под знамена социализма.

Но перед народом стоит страшный облик мировой войны, той самой войны, которая снесла, как щепку вековой самодержавный строй и теперь грозит поглотить народную свободу в разгаре строительства новой жизни.

Еще недавно Вы нам сказали: «Мечта, что эта война положит конец войнам вообще, пока останется эксплуатация труда, чистая фантазия»^{2*}.

² Enquête sur les conditions d'une paix durable. 9 янв. (н. с.) 1917 г.

Только прекращением эксплуатации человеческого труда, только социальной революцией будет положен конец войнам навсегда.

Вы сами признаете, что «во всех народах Европы чувствуется истощение сил после трехлетнего напряжения, и это истощение сознается в Германии так же, как и во Франции, в Австрии столько же, сколько в России». Это истощение вызвало у нас не только крах самодержавия, но и крах государственности. Если еще германская государственность кажется мощной, то только благодаря нашей дезорганизованности, и при первом чувствительном поражении она разлетится в прах.

Только социальная революция, дав народу хлеб и вольную общину, вызовет в нем мощный дух самосохранения, самообороны от кровавого нашествия на родную землю чужеземных империалистов.

В сгущенной атмосфере общественного брожения, быть может, нашему учению суждено дать тот толчок, который определит кристаллизацию общества в новые формы.

Но для этого мы должны внести в те смутные попытки общинного самоопределения, которые вспыхивают повсюду от Кронштадта до Ташкента, элемент конкретного организованного строительства общинной жизни на вольных социалистических началах.

Кликните клич, разверните наше знамя, учитель!

Ваши ученики, идейные товарищи, ждут со мной от Вас ответа и действия, ибо Ваше слово само действие.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Александр Моисеевич Атабекян
Открытое письмо П. А. Кропоткину
1917

Скопировано 24 ноября 2014 года с <http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/B/01.htm>
Отд. оттиск из: Анархия. 1917. № 7, 23 окт.

ru.theanarchistlibrary.org